

УДК 821.113.3

Н. Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

HUNGRVAKA («ПРОБУЖДАЮЩАЯ ГОЛОД»): ОТ САГИ К ХРОНИКЕ И ЖИТИЮ?

В статье рассмотрена жанровая специфика «Пробуждающей голод» — памятника древнеисландской литературы XIII в., содержащего жизнеописание первых местных исландских епископов. Обсуждаются композиционные, нарративные и языковые особенности, сближающие это произведение с родовыми сагами, средневековыми хрониками и житиями христианских святых, — родословные, летоисчисление, летописный перечень светских и церковных деятелей, деяния епископов, портретные характеристики, чудеса и знамения. Несмотря на присутствие некоторых признаков иноземных жанров, в целом данное произведение остается в рамках поэтики родовой саги. Близость родовой саге обнаруживается в генеалогиях и детализации родственных связей, которые связывают епископов с эпохой заселения Исландии. Скалахольт, место основания первой церковной кафедры в Исландии, представлен как религиозный центр, наделенный сакральной значимостью, в его описании слышатся отзвуки мифологических представлений о некоем идеальном прототипе вещей. По заданному родовой сагой стереотипу строятся «портретные» характеристики епископов, которые соответствуют идеальному образу хёвдинга, представителя местной знати. Лишь портрет Торлака сына Рунольва, который служит прообразом Торлака сына Торхалля, первого национального святого Исландии, полностью отвечает житийному канону. Однако светское поведение епископа может сочетаться в рассказе с его подвижническим образом жизни или истолковываться в христианском духе. Анонимный автор стремится нарисовать картину национального согласия под эгидой Церкви, отодвигая на задний план распря как причину действия, что ведет к жанровой трансформации родовой саги. Кончина, сопровождающаяся предсмертными муками и чудесами, проясняет смысл земного служения епископа. Ее описание содержит преимущественно житийные топосы, но иногда передает реалистические детали повседневной жизни. Смерть каждого исландского епископа соотносится со смертью его современников за рубежом, как церковных иерархов, так и светских правителей. Заметно также желание автора проводить параллели между его героями и значительными фигурами всемирной истории.

Ключевые слова: исландские саги, средневековая литература, хроника, житие, «Пробуждающая голод», христианизация Исландии.

Natalya Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow

‘HUNGRVAKA’: ON THE WAY FROM THE SAGA TO THE CHRONICLE AND HAGIOGRAPHY?

The paper deals with some generic characteristics of *Hungrvaka*, a 13th c. monument of Old Icelandic literature, which describes the lives of the first local bishops of Iceland. The author discusses some features of composition, narration and language which make this work close to family sagas, medieval chronicles and lives of Christian saints — genealogies, chronology, the annalistic list of secular and Church leaders, the bishops’ *gesta*, their portrait characteristics, miracles and omens. Despite the presence of some signs of foreign genres, in general this work remains within the poetics of family saga. The closeness to the family saga is found in genealogies and detailed description of the family ties that bind bishops to the epoch of the settlement of Iceland. Skalaholt, the first episcopal see in Iceland, is presented as a religious center, endowed with sacred significance; in its description we hear echoes of mythological notions of an ideal prototype of things. In accordance with family saga stereotypes are constructed the ‘portrait’ characteristics of bishops which correspond to the ideal image of *höfðingi*, a representative of the local nobility. It is only the portrait of Þorlákr Runólfsson (a prototype of Þorlákr Þorhallsson, the first national saint of Iceland) that fully meets the hagiographic canon. However, the secular behavior of the bishop may be combined in the story with his ascetic way of life or be interpreted in a Christian spirit. The anonymous author seeks to paint a picture of national consensus under the auspices of the Church, pushing into the background the war as the spring of action that leads to the generic transformation of the family saga. Death, accompanied by suffering and wonders, clarifies the meaning of the earthly ministry of the bishop. Its description contains predominantly hagiographical *topoi*, but sometimes also conveys the realistic details of everyday life. The death of every Icelandic bishop is correlated with the death of his contemporaries abroad, both the Church hierarchs and secular rulers. Noticeable is also the author’s desire to draw parallels between his characters and significant figures in world history.

Keywords: sagas of Icelanders, medieval literature, chronicle, hagiography, *Hungrvaka*, Christianization of Iceland.

Исследуя становление средневековой литературы в Исландии, М. И. Стеблин-Каменский обратил в свое время внимание на трансформацию устной традиции, положившей начало родовым сагам, в иные разновидности саги под влиянием изменения ее содержания. Концентрация повествования на представителях власти — королевской в Норвегии и епископской в Исландии — способствует появлению так называемых «королевских» и «епископских» саг, где полнота охвата действительности начинает сменяться выборочным ее описанием, а время в известной мере абстрагируется от происходящих в нем событий [Стеблин-Камен-

ский, 1984, с. 179, 192; 2003, с. 378, 387]. И хотя в конечном итоге эта линия развития ведет к тенденциозному отбору фактов, явно выраженной дидактике или даже пропаганде, все же следует согласиться, что «жанры» древнеисландских саг «существуют на ином основании, нежели жанры в литературе нового времени» [Смирницкая, 1988, с. 235]. В статье предпринята попытка показать, что такой своеобразный памятник древнеисландской литературы, как *Hungrvaka* (букв. «Пробуждающая голод»), где воспроизводятся внешние признаки иноземных жанров — хроники и жития, в целом остается в рамках поэтики и ментальности местной родовой саги, хотя и обнаруживает новые элементы¹.

Своим названием это произведение обязано прологу дидактического содержания, написанному от первого лица, в котором анонимный автор прямо говорит: «Книжечку эту называю я пробуждающей голод...» (1)². Однако обращается он к своим читателям не с моральным назиданием, а чтобы приохотить их «к изучению родной речи, побудить читать написанное на северном языке — законы, или саги, или родословия» (1). Согласно поэтике саги и строятся последующие жизнеописания первых пяти епископов Исландии, выдержанные в объективном и сдержанном стиле.

Близость саге обнаруживается прежде всего в развернутых генеалогиях, доведенных до третьего-четвертого, а иногда и пятого колена, и указании родственных связей (детей и внуков с их брачными союзами, жен и их предыдущих мужей) даже в том случае, если таковые не играют роли ни в истории Церкви, ни в дальнейшем повествовании. Генеалогии связывают епископов с эпохой заселения, показывая их укорененность в местном сообществе. Как и всякая родовая сага, *Hungrvaka* связана с определенной местностью в Исландии — хутором Скалахольт на юге страны, где

---

¹ Текстологическое описание и история изучения этого памятника, сохранившегося только в рукописях не ранее начала XVII в., представлены в изданиях: [Hungrvaka, 2002, s. VI–XXXI; Basset, 2013, p. 1–40].

² Здесь и далее текст «Пробуждающей голод» цитируется в русском переводе О. Б. Дубровина под научной редакцией Н. Ю. Гвоздецкой. Перевод выполнен по изданию [Hungrvaka, 1905, s. 87–126]. Этому изданию следует и нумерация глав, отмечаемая в круглых скобках после цитаты. Учитывалась также новейшая публикация оригинала и комментарии к нему [Hungrvaka, 2002, s. 3–43], а также английский перевод [Basset, 2013]. Первая часть русского перевода опубликована в: [Пробуждающая голод, 2016, с. 95–108]. Вторая часть находится в печати.

впервые возникла церковная кафедра³. Его первые обитатели — Тейт, сын первопоселенца Кетильбьёрна Старого, и Гицур Белый сын Тейта — изображены как наделенные особой «удачей» (gæfa), благодаря которой одному удалось построить Скалахольт, «лучший хутор в Исландии» (2), а другому — ввести в стране христианство⁴. Таким образом, данная местность представлена как религиозный центр, обязанный своим появлением Провидению, которое, однако, в данном случае ничем не отличается от языческой веры в личную судьбу человека, в самом же основании кафедры слышатся отзвуки мифологических представлений о некоем идеальном прототипе вещей⁵.

По заданному родовой сагой стереотипу строятся личностные характеристики епископов, где внешние черты указываются прежде внутренних и соответствуют им, а последние сосредоточены на отношениях с окружающими или подразумевают качества, которые ценились в исландском обществе. Так, о епископе Гицуре сказано, что он «выделялся во всем, чем должен отличаться мужчина» (5). Как правило, отмечается рост епископа (высокий или средний), его глаза и взгляд (видимо, как отражение внутренней харизмы), внешняя привлекательность. Упоминаются дружелюбие и обходительность, особенно с родичами, а также справедливость и честность, щедрость и радушие, твердость характера, предусмотрительность, ум, великодушие. Хотя все епископы в юности получали образование за рубежом или дома, ученость и владение пером отмечены лишь в портрете Кленга (вскользь упомянута также ученость Магнуса). В отношении остальных качеств Кленг соответствует идеальному образу представителя местной знати, ср.: «Кленг сын Торстейна был приятен с виду, среднего роста, подвижный, энергичный и способный, и владел пером, и весьма учен, и красноречив, и надежный друг, и великий скальд» (17).

---

³ Менее детализовано происхождение епископов Холара на севере, как и вообще повествование об этой второй церковной кафедре Исландии.

⁴ Интересно, что той же «удаче» (gæfa) приписывается избрание епископом Кленгом «такого поистине святого человека», как епископ Торлак сын Торхалла (19).

⁵ В рамках мифологического сознания создаваемый автором образ Скалахольта может оцениваться как некий идеальный прототип епископской кафедры, ср.: «Дерево лучшее — ясьень Игтдрасиль... лучший конь — Слейпнир... а Гарм — лучший пес» [Младшая Эдда, 1970, с. 62].

Недаром в его характеристике присутствует столь выразительный эпитет, как *sköruligr* (от *skörungr* — букв. «кочерга», в переносном значении «выдающийся, благородный и энергичный человек»). Напротив, христианские добродетели отмечены лишь в портрете Торлака, видимо, в возмещение отсутствия у него других выдающихся качеств: его очень короткая светская характеристика («среднего роста, длиннолицый, светлорусый, обходительный») завершается указанием на невысокое мнение о нем большинства людей — «человек ни чем-либо примечательный, ни выдающийся» (10). В противоположность Кленгу Торлак не отвечал образу *skörungr*, что особо отмечается в тексте (*né allskörungr*). Данная характеристика Торлака, вероятно, неслучайна и более отвечает канону жития, нежели саги. Если другие епископы, как, например, Гицур, были выдающимися людьми «как по благодати Божией, так и по собственным заслугам» (7), то Торлак собственных заслуг не имел, являя тем самым пример истинного смирения. Фигура Торлака сына Рунольва предвосхищает в рассказе⁶ и, вероятно, служит прообразом его тезки Торлака сына Торхалля, первого канонизированного святого Исландии, который упоминается в таком качестве уже в конце «Пробуждающей голод» (19–20), ср. эпитеты *sannheilagr, enn heilagi/enn sæli Þorlákr biskup*. К другим епископам Скалахольта подобные эпитеты не прилагаются.

Не одни вводные личностные характеристики, но и поведение первых исландских епископов в известной мере отвечает образу хёвдингов. Двое из них (Ислейв и Гицур) были женаты еще до возведения в епископский сан, а Ислейв даже три раза. Звание «большого хёвдинга» (*mikill höfðingi*) могли иметь их сыновья, как Торвальд сын Ислейва (2). Гицур в ранние годы много путешествовал, по-видимому, не только ради получения образования, и заслужил высокую репутацию за рубежом, дружа со знатными людьми, в частности с норвежским королем Харальдом Суровым, как и подобало знатному исландцу. Возможно, его предсмертные слова «жизнь моя подошла к концу, и погулял я немало» (7) могут быть намеком на его бурную молодость, во всяком случае, король Харальд считал его пригодным не для одной церковной карьеры. Действительно,

---

⁶ Некоторые исследователи считают «Пробуждающую голод» чем-то вроде вступления к большой Саге о Торлаке, которая следует за ней в рукописях [Baset, 2013, p. 35].

в тексте его статус в стране сравнивается со званием короля: «Можно сказать, что пока он жил, был он над этой страной и королем, и епископом» (5). Епископ Магнус устраивал богатые пиры, на которых не только отмечались престольные праздники, но и праздновались свадьбы (14). Епископ Кленг прославился богатыми дарами гостям и столь многолюдными пирами, что они могли показаться даже признаком некоторого высокомерия (*stórmennska*), ибо на одном из них, где угощалось семьсот человек, не хватило еды. Более того, Кленг смело брался за любые тяжбы и добивался в них успеха, а также был весьма опытен в толковании законов страны, благодаря чему слыл великим хёвдингом (18).

Полную противоположность составляют портрет и поведение Торлака сына Рунольва, которые выдержаны в духе житийного канона: «Уже с юности он был большим молитвенником, прозорливцем и призван к священническому служению. Был он мягким, смиренным и миролюбивым» (10). Непрестанно занимался Словом Божиим или делами милосердия, ср.: «Каждый день выпевал он треть Псалтири, медленно и вдумчиво, а в другое время [свободное от чтения Псалтири] он учил, или писал, или читал Священное Писание, или окормлял тех людей, которые в этом нуждались и приходили к нему [за помощью]» (11). Некоторые бытовые черты призваны, по-видимому, противопоставить его поведение типичному поведению хёвдинга. Так, «прижимистый» (*féfastr*) Торлак разительно контрастирует с расточительным Кленгом, но при этом автор не забывает отметить, что к беднякам он был щедр и никогда не жалел денег на нужные вещи (11).

Впрочем, и рассказ об образе жизни других епископов все же больше выдвигает на первый план их христианские черты, в отличие от прямых вводных характеристик, подчеркивающих черты светские. Этому можно найти два объяснения. Во-первых, прежде чем получить посвящение от зарубежных иерархов, претендент утверждался на должность епископа на альтингге, поэтому вводные портретные зарисовки акцентируют то, что создавало человеку репутацию в обществе, еще далеко от христианской этики. Во-вторых, само посвящение в высокий духовный сан могло подразумевать изменение поведения. Так, Ислейв, хоть и был с юности «приветлив со всеми» — *vinsæll við allþýðu* (букв. «удачлив в друзьях»), не проявлял в епископском служении той снисходи-

тельности к пастве, которой отличались заезжие иноземные епископы, и решительно возражал против двоеженства, грабительства в викингских походах и других языческих обычаев, из-за чего претерпел «много затруднений» — *naud mikla á marga vega* (2).

Более того, светское поведение епископа может сочетаться в рассказе с его подвижническим образом жизни или же истолковываться в христианском смысле. Так, расточительный Кленг «скор на милостыню к беднякам», а его затраты на пиры и дары с лихвой окупаются тем, что «Всемогущий Бог, который отдает от Себя всякое благо, сделал так, что они не имели недостатка в том, в чем нуждались» (17). Как и ранее Торлак, Кленг «и писал, и пел Псалтирь», и даже «предавался самоистязанию более, чем другие епископы — бдением, постом, [скудной] одеждой: он часто ходил босиком по снегу в мороз» (18). Внешнее величие и внутреннее смирение не вступают между собою в противоречие, но подаются в рассказе как известные всем факты. Фактографичность стиля родовых саг позволяет примирить между собой, казалось бы, непримиримые стороны характера.

И все же в одном, и весьма существенном, отношении можно наблюдать тенденциозный отбор фактов, нехарактерный для родовой саги. Взаимоотношения епископа с паствой подаются, как правило, в мирном и безмятежном духе, через формульные выражения вроде «отправился епископ Гицур в Исландию, и народ радостно его принял» (5). Несогласия между епископом и паствой частично детализованы, как указывалось выше, лишь в жизнеописании первого епископа Ислейва, далее они подаются лишь намеком. Однако из того, что при вступлении в должность епископа Гицура все хёвдинги должны были обещать ему соблюдение христианских заповедей, можно понять, насколько серьезными могли быть нестроения. Обещания эти, видимо, не выполнялись, ибо и Торлак, преемник Гицура, страдал от непослушания хёвдингов. Вероятно, не случайно далее чуть ли не главным достоинством последующих епископов, Магнуса и Кленга, считается их умение мирить людей и ладить с ними, вплоть до утверждения, что «у людей не было никаких тяжб, пока Магнус был епископом» (13). Трудно этому поверить, если учесть, какие преимущества дала введенная Гицуром церковная десятина тем хёвдингам, которые строили церкви в своих имениях и могли противопоставить свою власть

епископской. Именно с ними предстоит бороться первому национальному святому Торлаку сыну Торхалля. Анонимный же автор «Пробуждающей голод», напротив, стремится нарисовать картину национального согласия под эгидой Церкви, исключая из своего рассказа распрю как пружину действия, что ведет к трансформации родовой саги.

На роль пружины действия могли бы претендовать деяния епископов, подобно деяниям норвежских королей в «Круге Земном». Однако сведения о них слишком отрывочны и разноплановы, чтобы составить цельную картину. Мы больше узнаем о том, как «креп и расширялся хутор в Скалахольте» (1) благодаря введению церковной десятины, преумножению земель, движимого имущества, строительству храма и его украшения, нежели получаем связный рассказ о деятельности епископов. Сходство с королевскими сагами состоит, пожалуй, лишь в том, что главными моментами жизни отдельного епископа оказываются его вступление в сан (народное избрание, посвящение за рубежом, возвращение на родину) и его уход из жизни.

Кончина, сопровождающаяся предсмертными муками и чудесами, проясняет смысл и значение земного служения епископа. Небезразлично, где и как происходит эта кончина. Ее описание содержит преимущественно житейные топосы, но иногда и реалистические детали местной жизни. Все кончины сопровождаются физическим страданием, хотя описывается и оценивается оно по-разному. Наиболее детализована предсмертная болезнь епископов Гицура и Кленга, благодаря чему на первый план выступает христианское смирение этих некогда энергичных хёвдингов. Впрочем, Гицур и болезнь воспринимает как «Божию битву» и не стремится избежать страданий, в чем упрекает его ворчливая жена (7). Поразительно в этом плане также поведение Магнуса, столь же энергичного в своем земном служении⁷: он сознательно идет на мучительную смерть, не пытаясь выбраться из горящего дома и во всем полагаясь на волю Божию, в чем проявляется сила его веры (15).

⁷ Гицур, Магнус и Кленг проявили себя прежде всего как рачительные хозяева, заботившиеся о материальном укреплении кафедры. Достаточно вспомнить, как Гицур после смерти матери передал в церковное владение все движимое и недвижимое имущество Скалахольта (5), Магнус привез из-за рубежа дорогую церковную утварь и ткани (14), а Кленг перестроил храм, доставив из Норвегии два корабля древесины (17).

Напротив, Торлак сын Рунольва, смиренный при жизни, скрывает от окружающих проявления своей болезни, утешаясь сознанием выполненного долга, о чем, возможно, свидетельствует чтение им «Забот пастыря» папы Григория I (12). Не менее погружен в свои пастырские труды перед кончиной Ислейв, к которому стекаются люди за советом (2).

Значимо также место кончины и погребения, как и характер сопровождающих ее чудес и знамений. Все епископы умирают в Скалахольте, только Магнус погибает в пожаре за его пределами⁸. Ислейв представлен настолько сроднившимся с кафедрой, что готовится к смерти и умирает в храме, где ему была постелена постель, его сын Гицур отходит в окружении семьи, но Торлак сын Рунольва, первый из неженатых епископов, — в окружении клириков. Кончина Ислейва не сопровождалась чудесами, но незадолго до смерти он обнаружил способность исцелять бесноватых и сделал пригодным для питья испорченное пиво, в чем явно видны евангельские аллюзии⁹. Торлак, слушавший перед кончиной латинскую речь папы Григория и всегда особенно усердно внимавший слову Божию, удостоился по смерти латинской кантилены с небес. А тело Магнуса оказалось почти не поврежденным пожаром. Обделен чудесами епископ Кленг, но его образ затмевается образом его преемника, святого Торлака сына Торхалля, которому посвящена отдельная сага. Смерть епископа Гицура сопровождается зловещими знамениями — бурей, которая помешала пасхальной службе и разрушила храм на полях Тинга. Рассказ, нарастая, обретает эпические, почти эсхатологические тона: «А смерть епископа Гицура повлекла за собой всякого рода бедствия — кораблекрушения, гибель людей и падеж скота... а после того — распри и беззакония, а вслед за тем — великий мор по всей стране, и не бывало такого с самого заселения Исландии» (8)¹⁰.

Все епископы погребены в Скалахольте, причем подчеркивается, что каждый предан земле рядом со своими предшественника-

⁸ Топос пожара характерен для родовых и королевских саг.

⁹ Пиво было основным праздничным напитком в Исландии, и потому его нехватка подобна нехватке вина в Кане Галилейской.

¹⁰ Ср. пророчество вэльвы о конце света в «Старшей Эдде»: «Братья начнут / биться друг с другом, / родичи близкие / в расприх погибнут; / тягостно в мире, / великий блуд...» («Прорицание вэльвы», строфа 45, пер. А. Корсуна). Цит. по: [Старшая Эдда, 1975, с. 188].

ми, а Ислейв — рядом со своим отцом Гицуром Белым, который первым построил храм на хуторе, а также рядом с иноземным епископом Колем, что, по мнению автора, придает особый статус кафедре Скалахольта, позволяя ей «называться духовной матерью всех других святых мест в Исландии» (2).

Рассказ о побывавших в Исландии иноземных епископах расширяет горизонт повествования, выводя его за пределы истории местной Церкви. Еще более сближает его с хроникой вселенской Церкви указание годов смерти епископов Скалахольта (летоисчисление ведется от Рождества Христова) и церковных праздников, с которыми связаны их посвящение в сан и кончина. В конце каждого жизнеописания смерть епископа соотносится со смертью его современников за рубежом, причем не только церковных иерархов (пап и архиепископов), но и светских правителей (королей и императоров) — от Скандинавии до Германии, Греции, Италии и Иерусалима, иногда даются детали их гибели и погребения. Это приближает повествование к всемирной хронике.

Некоторые исследователи указывают на встречающиеся в этих летописных перечнях почти дословные совпадения с текстом «Книги об исландцах» Ари Мудрого, который первым попытался включить историю Исландии в контекст всеобщей истории, и допускают прямые заимствования [Basset, 2013, p. 12]. Другие полагают, что летописные фрагменты «Пробуждающей голод» представляют собой более поздние добавления [Turville-Petre, 1953, p. 204]. Следует заметить, однако, что эти фрагменты не являются механическими или чужеродными вставками хотя бы потому, что некоторые упоминаемые в них лица фигурируют также в эпизодах зарубежного посвящения епископов.

Более того, заметно желание автора проводить прямые параллели между его героями и значительными фигурами всемирной истории. Так, преемник Кленга епископ Торлак сын Торхалля, которым завершается рассказ, назван «лучом или драгоценным камнем среди святых, как в этой земле, так и во всем мире». По словам автора, «его можно воистину назвать апостолом Исландии, так же как святой епископ Патрик был назван епископом Ирландии» (20). Св. Патрик не упоминается ранее в тексте, зато упоминаются имена его учеников и последователей — св. Бригитты Ирландской, св. Колумбы и ирландских мучеников из Селье.

Бедственное состояние Исландии после кончины епископа Гицура сравнивается с состоянием Римской державы после смерти папы Григория, благодаря чему оба иерарха уравниваются по значимости. Ср.: «И подумалось умнейшим людям, что Исландия, казалось, дала течь¹¹ после кончины епископа Гицура, как и Римская держава после смерти Папы Григория». Принято видеть здесь намек на Григория I (Великого), поскольку его исландское житие говорит о разразившихся после его смерти неурожайе и голоде [Louis-Jensen, 1976, s. 273–279]. Думается, что здесь может подразумеваться и упоминаемый в нашем тексте Григорий VII, давший рекомендательное письмо Гицуру в пору борьбы с политическими притязаниями Генриха IV, императора Священной Римской империи, — борьбы, которая привела к отлучению Генриха и его сторонников. Гицур не желал ссориться с папой и получил посвящение от преданного тому архиепископа Хардвига, а не Лиемара, к которому первоначально направлялся. Поэтому возможно, что смерть Папы Григория VII (на чьей стороне оказался исландский епископ) при жизни его политического противника могла восприниматься в Исландии как крушение духовных основ империи. Ссылка на «умнейших людей» показывает, что это мнение принадлежало не одному автору «Пробуждающей голод».

Таким образом, упоминание известных исторических лиц после смерти епископа и соотнесение с ними его правления подготовлено в тексте их упоминанием в связи с эпизодами его жизни, особенно посвящением в сан. Описание деталей этого посвящения создает тот исторический фон, благодаря которому главы церковной кафедры в Скалахольте получают не меньший вес, чем их знаменитые зарубежные современники. Так, по пути к Папе Римскому Ислейв снискал расположение императора Генриха сына Конрада (Генриха III) тем, что сделал ему диковинный подарок — белого медведя, который считался «величайшим сокровищем» (*in mesta gersemi*). И Генрих дает ему грамоту с собственной печатью. А Папа Лев определяет день посвящения Ислейва — праздник

---

¹¹ В оригинале *drjúpa 'drip; let in rain'* [Cleasby, Vigfusson]. Однако некоторые рукописи дают глагол *drúpa 'droop'* [Hungvaka, 2002, s. 21]. Это меняет смысл метафоры: «Исландия, казалось, поникла». Представляется, что первый вариант лучше отражает сравнение государства с кораблем, характерное для средневековой литературы.

Пятидесятницы, или Троицы (Hvítodröttinsdagr) — в надежде, что «станет величайшей честью для всей епархии и ее епископата, если первый епископ в Исландии будет посвящен в тот день, когда Бог украсил весь мир дарами Святого Духа» (2). Гицура счел достойным епископского сана Харальд Суровый (5), Магнус же, направляясь для посвящения в Данию, сумел завязать дружбу с норвежским конунгом Харальдом Гилли и получил богатые дары, которыми украсили храм в Скалахольте (13).

Примечательно, однако, что не только исландские епископы становятся участниками всеобщей истории, но и фигуры всемирного значения мыслятся равноположными с исландцами, ничем как будто не превосходящими их, причем не только с исландскими иерархами, но и людьми светскими, чей статус иногда даже не упомянут. Последние оказываются значимыми сами по себе, как потомки исландских первооселенцев. Это проявляется в неожиданном соположении в летописных перечнях иноземных правителей и обычных исландских бондов. Ср.: «Пока Магнус был епископом... погибли король Магнус сын Сигурда и Сигурд Шумный диакон. Тогда же произошло убийство Торира сына Стейнмода и кончина архиепископа Эцура... и Финна законоговорителя, и Генриха, короля английского» (16).

Особенно же это заметно там, где говорится, сколько знаменитых людей скончалось в том же году, что и епископ Гицур. Среди них и Папа Пасхалий, и Балдуин, король Иерусалимский, и патриарх Арнульф, и король греков Алексей, и король шведов Филипп... Однако завершается этот грандиозный перечень неожиданной репликой: «И погода тогда очень ухудшилась». После чего следует описание бед, постигших Исландию, среди которых последним — и потому особо значимым — оказывается тот факт, что «после смерти епископа был ранен на альтинге Хавлиди сын Маса, и по этому делу в то лето не было вынесено никакого [судебного] решения» (8). Судьба рядового исландца оказывается не менее значимой, чем все вместе взятые правители мира. Поистине не исландские иерархи «включаются» во всеобщую историю, а родовая сага «разрастается» до всемирных пределов, словно вбирая в себя самые отдаленные от Исландии регионы и их обитателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Младшая Эдда / изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1970. 256 с.
- Пробуждающая голод (главы 1–9) / пер. с древнеисланд. и коммент. О. Б. Дубровина; под ред. Н. Ю. Гвоздецкой // CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. Вып. 8. С. 95–108.
- Смирницкая О. А. Исландские саги в работах М. И. Стеблин-Каменского и «Сага о Сверрире» // Сага о Сверрире. М., 1988. С. 226–244.
- Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 181–356. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 9).
- Стеблин-Каменский М. И. От саги к истории. От саги к житию // Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. С. 168–198.
- Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 293–426.
- Basset C. Hungrvaka / Transl. with Introduction, Bibliography and Index by Camilla Basset / Ritgerð til MA-prófs. Háskóli Íslands, Hugvísindavið, 2013. URL: <http://docplayer.net/7371660-Hugvísindasvid-hungrvaka-translation-by-camilla-basset-ritgerd-til-ma-profs-camilla-basset.html> (дата обращения: 10.08.2016).
- Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oi_cleasbyvigfusson/b0473.html (дата обращения: 10.08.2016).
- Hungrvaka // Kristni saga. Þáttur Þorvalds ens víðförla. Þáttur Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka / Herausgegeben von B. Kahle. Halle: Max Niemeyer, 1905. S. 87–126. (Altnordische Saga-Bibliothek, 11).
- Hungrvaka // Íslenzk Fornrit. XVI bindi. Biskupa sögur II. Ásdís Egilsdóttir gaf út. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 2002. 382 s.
- Louis-Jensen J. Ari og Gregor // Nordiska studier i filologi och lingvistik. Lund: Studentlitteratur, 1976. S. 273–279. (Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen).
- Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford: Clarendon Press, 1953. 260 p.

REFERENCES

- Mladshaia Edda [The Younger Edda]. Eds. O. A. Smirnitskaia, M. I. Steblin-Kamen-sky. Moscow, Nauka Publ., 1970. 256 p. (In Russian)
- Probuždaiusiaha golod (glavy 1–9) [Hunger-waking (ch. 1–9)]. Transl. from Old Icelandic and comm. by O. B. Dubrovin, ed. N. Iu. Gvozdeckaia. CURSOR MUNDI. Chelovek Antichnosti, Srednevekovia i Vozrozhdenia. Vyp. 8 [CURSOR MUNDI. Person of Antiquity, Middle Ages and Renaissance. Vol. 8]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Press, 2016, pp. 95–98. (In Russian)

- Smirnitskaia O. A. [Sagas of Icelanders in the works by M. I. Steblin-Kamensky and the Sverrir Saga]. *Saga o Sverrire* [Sverrir Saga]. Moscow, 1988, pp. 226–244. (In Russian)
- Starshaia Edda [The Elder Edda]. *Beovulf. Starshaia Edda. Pesn' o Nibelungakh. Biblioteka vseмирnoi literatury. Seria pervaiia. Tom 9* [Beowulf. The Elder Edda. The Lay of Nibelungen. World Literature Library. The first series. Vol. 9]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 181–356. (In Russian)
- Steblin-Kamenskii M. I. [From saga to history. From saga to hagiography]. M. I. Steblin-Kamenskii. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The Saga Mind. The Evolution of Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 168–198. (In Russian)
- Steblin-Kamenskii M. I. [Old Scandinavian literature]. M. I. Steblin-Kamenskii. *Trudy po filologii* [Works on Philology]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2003, pp. 293–426. (In Russian)
- Basset Camilla. *Hungrvaka*. Transl. with Introduction, Bibliography and Index by Camilla Basset. Ritgerð til MA-prófs. Háskóli Íslands, Hugvísindavið, 2013. Available at: <http://docplayer.net/7371660-Hugvisindasvid-hungrvaka-translation-by-camilla-basset-ritgerd-til-ma-profs-camilla-basset.html> (accessed 10.08.2016).
- Cleasby Richard, Vigfusson Gudbrand. *An Icelandic-English Dictionary*. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oi_cleasbyvigfusson/b0473.html (accessed 10.08.2016).
- Hungrvaka. *Íslensk Fornrit. XVI bindi. Biskupa sögur II. Ásdís Egilsdóttir gaf út Reykjavík, Hið íslenska fornritafélag*, 2002, pp. 3–43.
- Hungrvaka. *Kristni saga. Þáttur Þorvalds ens víðförla. Þáttur Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka*. Herausgegeben von B. Kahle. Altnordische Saga-Bibliothek, 11. Halle, Max Niemeyer, 1905, pp. 87–126.
- Louis-Jensen Jonna. Ari og Gregor. *Nordiska studier i filologi och lingvistik. Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen*. Lund, Studentlitteratur, 1976, pp. 273–279.
- Turville-Petre Gabriel. *Origins of Icelandic Literature*. Oxford, Clarendon Press, 1953. 260 p.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна

доктор филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: ngvozd@yandex.ru

Natalya Gvozdetskaya

Doctor of Philology, Head of the Department of English Philology, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya pl., Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: ngvozd@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2016, принята к публикации 30.08.2016